

**Рецензия на выпускную квалификационную работу
Арсения Владимировича Кухтина
«Влияние китайской конфуцианской культуры на японское
законодательство VIII-XVII вв.»**

История права, тем более восточного права – поле деятельности для историка, в котором он отчасти вступает на территорию интересов юриста. Отличие, тем не менее, тоже очевидно – в работах по истории права, написанных специалистами в области юриспруденции, превалирует сопоставление правовых норм по формальным признакам и отношение к памятникам из разных эпох с точки зрения современных правовых представлений. Работа историка ориентирована прежде всего на динамику, выяснение изменений и влияний, учёт политического, экономического, культурного контекста происходящих в праве перемен.

Учитывая вышесказанное, перед нами очевидно историческая работа. А.В. Кухтин, хотя и анализирует в первую очередь правовые нормы, крайне заботливо выписывает контекст, в котором они появлялись, и это делает его работу о японской рецепции китайского права работой не столько о праве, сколько о Японии в целом, только показанной с оригинальной точки зрения. И это, безусловно, следует отнести к положительным впечатлениям от прочтения исследования. Хотелось бы также добавить то, что сама идея исследования, его построение – оригинальны, являются результатом собственных усилий соискателя на протяжении ряда лет.

Структура выпускной работы при этом оказывается дискретной: три главы составляют как бы три этюда, построенные в принципе по одной и той же схеме, а именно: в начале нам даётся описание китайской правовой мысли за определённый исторический промежуток (чаще всего на одном примере), затем показываются свидетельствующие о заимствовании данные японских источников, далее происходит подведение промежуточных итогов по развитию права каждого из периодов японской истории, описанного в отдельной главе. И так перед нами проходят период Нара (VIII в.), первая часть Сэнгоку (XV – XVI вв.) и, наконец, ранний период Токугава (XVII в.). Работе предпослано достаточно подробное введение, большая часть которого являет собой обзор научной литературы.

Названные части текста, однако, неравноценны. Введение достаточно продумано и цельно, но хотелось бы всё-таки попенять автору на то, что большая часть его обзора литературы (С. 4–20) создана в форме аннотаций к прочитанным работам; анализ вместо пересказа сэкономил бы объём работы и повысил удовольствие от её прочтения.

Первая глава, посвящённая раннему периоду японской рецепции права, является самой простой и, на мой взгляд, самой продуманной. Автор достаточно системно и последовательно проиллюстрировал, как законодательство эпохи Тан (и отчасти Суй) отразилось в ранних японских правоведческих трудах. Но ведь эта часть исследования в настоящее время основана как на хорошо известных и давно высказанных гипотезах, так и на специальных, менее популярных среди широкого круга читателей научных работах. Оригинальным здесь является исполнение, а главная идея – уже хорошо известна научному миру.

Что касается второй главы, то здесь, наоборот, А.В. Кухтин ступил на почву куда менее очевидных наблюдений, и ему пришлось в значительной части действовать самостоятельно. Я не буду утверждать, что попытка найти параллели между трактатом относительно малоизвестного сунского учёного XI в. Ли Гоу и законодательным памятником японского даймё XV в. заранее обречена на провал, но могу точно сказать, что это очень рискованный шаг, который требует серьёзного обоснования. Более серьёзного, чем это делает А.В. Кухтин, когда он находит отдельные аналогичные нормы, да и то не всегда убедительно совпадающие. Например, и Ли Гоу, и представитель клана Юки касаются проблемы пустошей, но Ли Гоу интересуется в первую очередь сам факт введения в сельскохозяйственный оборот пустующих земель, а сюзерена Юки – вопрос утайки зависимым земледельцем повышенных урожаев, которые тот с бывшей пустоши собирает (С. 63). Разительный контраст между китайской бюрократической системой, теоретики которой даже не сомневаются в том, что если целина будет поднята, то уж налог-то они с неё соберут, и японским «феодализмом», при котором на первый план выходит проблема авторитета главы клана. А вот утверждать, будто между этими двумя источниками есть какая-то реальная преемственность, мы на основании такого анализа не можем.

Та же проблема, хотя и в несколько меньшем масштабе, может характеризовать и третью главу. Читателю предлагается достаточно подробное изложение учения китайского мудреца Чжу Си (1130–1200), которое при этом по большей части к вопросам права и даже к теории государства не имеет почти никакого отношения (С. 78–89); соответственно, доказывать влияние чжусианства на конкретные законодательные памятники Японии оказывается тоже непростой задачей. Лучшее впечатление же глава производит потому, что, бесспорно, в эпоху Токугава японцы уже были неплохо знакомы с учением Чжу Си, и влияние неоконфуцианства испытывали, а кроме того, А.В. Кухтин делает здесь более тонкий ход, показывая, что сама система права в токугавской Японии в целом отражала логику чжусианской иерархии мироустройства.

Но отдельные успехи не могут снять принципиального возражения при использовании метода аналогии – поскольку автор иногда успокаивается при нахождении параллелей, а не более строгих соответствий вроде текстуальных совпадений, преемственности образов и иероглифов, то следует подчеркнуть, что этот метод не представляется убедительным. Если ограничиться лишь тем, что исследователь выделит в японском источнике заранее спланированные тематики и на этом основании приблизит его к некоему китайскому источнику, то в таком случае можно будет примерно с такой же степенью погрешности отыскать параллели идеям Ли Гоу или Чжу Си в Законах Хаммурапи или в Салической правде. Я надеюсь, что в дальнейшей своей исследовательской деятельности А.В. Кухтин сможет скорректировать эту методiku.

В работе есть мелкие ошибки. Например, известный востоковед Е.А. Торчинов на С. 12–13 несколько раз поименован в основном тексте как «А.Е. Торчинов» (в сносках правильно). Стиль нередко хромает: однажды автор даже заявляет нам о том, что «мы можем активно взаимодействовать» с письменным источником (С. 60, курсив мой – С.К.). Хотелось бы также указать, что в работе по такой малоосвоенной

теме оставаться по преимуществу на базе работ, опубликованных на русском языке, равносильно тому, что обкрадывать собственное исследование; например, в случае знакомства с более широким кругом работ автор не стал бы повторять некоторые идеализирующие китайское средневековое право пассажи, которые мелькают в трудах наших современных синологов. Тем не менее, всё это не может нарушить общее благоприятное впечатление от работы.

Сочинение, защищаемое А.В. Кухтиным, соответствует всем требованиям, предъявляемым к выпускным квалификационным работам, и заслуживает положительной оценки.

профессор кафедры
всеобщей истории,
д.и.н. С.Б. Крих